

Джули Дювер

Шёпот,
вплетённый в косу

Джули Дювер

Шёпот, вплетенный в косу

«Автор»

2026

Джули Дювер

Шёпот, вплетенный в косу / Джули Дювер — «Автор», 2026

Зло, дремавшее два столетия, пробудилось в сердце Заповедного Леса. Одна надежда на древнее пророчество и наследницу, в чьей крови бурлит сила рода. Страж с глазами зимнего неба верит, что она придёт, чтобы спасти родную кровь и навеки заточить древнего демона. Он видит в ней спасительницу, а она уже знает, как Темень вползает в душу. Чтобы разорвать роковой круг, ей придётся сойти в глухую чашу, где правда поглощает ложь, а долг граничит с безумием. Вот только никто не спросил Дарину, верит ли она в бабушкины сказки про силу рода и темень зверя. Готова ли принять тяжкий дар и обречь на него дочь? И главное, сможет ли устоять перед взглядом Стража, когда каждый его шаг будит в ней не только страх, но и запретное желание, грозящее разрушить всё, за что она готова умереть?

© Джули Дювер, 2026

© Автор, 2026

Джули Дювер

Шёпот, вплетенный в косу

Глава 1.

Рёв разорвал тишину подземелья, и ледяное эхо отозвалось в костях зверя. Зачарованные цепи на запястьях завывали от натяжения, впиваясь в изуродованную плоть острой, сроднившейся боли. Древний зверь дёрнулся, не в силах сдержать желание вырваться на волю. Он не спал уже двести лет по-настоящему. Впервые в плену он почувал иной запах. Привыкнув к смраду сырости и старой засохшей крови на цепи, ноздри зверя ловили ветерок. Свежий, колкий, терпкий запах сосновой хвои, принесённый сквозняком из щели. Воздух снаружи гудел напряжённым ожиданием. Заговор врага, веками сжимающий горло, ослаб. Всего на волосок. Но этого хватило, чтобы попробовать ещё раз.

Он задрал морду, втягивая воздух расширенными ноздрями. Поверх хвои в нём витал дух врага. Запах мага, чей предок сковал его в пещере, лишив семьи, воли, жизни. Ярость, чёрная, как дёготь, хлынула в жилы. Зверь, задрав голову к своду пещеры, завывал. Ненависть выворачивала нутро. Пена горячими хлопьями падала на остатки истлевшей одежды. Осела на золотом, едва различимом княжьем гербе на груди. Он скривил пасть в звериной усмешке. Скоро.

Мышцы взбугрились, когти впились в каменный пол с таким скрежетом, будто пытались распороть скалу. Сосредоточив волю и накопленную за века боль в правой лапе, он выцарапал древнюю, забытую руну. Она прожигала плоть. Зверь крутился, ловя тусклые косые лучи из щели. Когда его тень легла на руну, окровавленный, стёртый временем коготь прочертил борозду в полу по собственной тени.

Боль накрыла ослепительным полотном. Словно он оторвал частицу искалеченной души. Тень колыхнулась и покрылась ртутной рябью. Её кусочек, самый чёрный и вязкий, размером с ворона, оторвался от пола и завис в воздухе. Зверь, тяжело дыша, уставился на ожившую частичку своей тени. В его горящих глазах полыхнула радость, отчаяние, надежда.

Оторванный кусок тени качнулся, словно на ветру, и рванул к своду, просочившись сквозь щели камня туда, где шумел настоящий, живой лес.

Отщепенец тени выскользнул из-под скалы. Он сгустился в чёрную каплю Темени и повис в воздухе, ощущая мир через вибрации. Его раздирали холод, холод и далёкая цель.

МАГ

В замке над пещерой Верес вздрогнул во сне и открыл глаза. Его разбудило эхо звериного рева, хотя звук и не пробился сквозь защиту. Ослепляющая молния ударила в основание черепа. Рука на автомате чертила в воздухе руну, а перо, вторя ей, уронило чернильную кляксу на ветхую страницу дневника предков. Он вскочил, и постель выгнулась с сухим скрипом. Кинулся к каменной стене, где висел оберег рода, серебряная волчья голова. Металл почернел, будто покрылся мгновенной патиной. Верес, не веря, провёл рукой, и на пальцах осталась сажа. Его объял холодный ужас. Началось. Заклятия прадеда теряли силу. Трещина, которую ждали поколения, ослабила цепи. Зло шевельнулось.

Верес рванулся к окну, вглядываясь в ночную чашу. Ничто не цепляло взгляд. Тишина. Но чутьё зверя, жившего в нём, выло от тревоги. Оно уже здесь, рядом. И оно не останется в лесу.

ДАРИНА

Шампанское в бокале вдруг потеряло все пузырьки. Стало кислым. Дарина поморщилась, оставив бокал. Джаз саксофона, только что раздражающе весёлый, внезапно стих, будто уши заткнули ватой. А потом на кончике языка появился чуждый вкус. Медный, солёный вкус крови. В носу защипало от запаха сырого камня, мха и ржавого железа. У нее свело желудок, и она резко вдохнула, но воздух кафе показался отравленным.

– Белочка. С перепоя, – яростно прошипела она про себя, впиваясь ногтями в край барной стойки. Подушечки пальцев онемели, будто она сжимала лёд. В виски ударил протяжный, холодящий душу вой. Он вырвался из глубины черепа, а за ним хлынули обрывки чужих воспоминаний, тёмный потолок пещеры, сверканье цепи, искажённое яростью лицо с горящими нечеловеческими глазами.

– Не отвертись. Вот услышишь Зов, тогда поздно будет. – Слова бабушки прозвучали в голове так чётко, будто она стояла за спиной. Паника сдавила горло, выбив воздух из лёгких. Дарина судорожно глотнула, оттолкнулась от стойки. Длинные русые волосы колыхнулись. Ноги не слушались, под коленками застыла тяжёлая клейкая слабость. Она почти побежала к выходу, не видя удивлённых лиц.

На улице майская ночь обожгла кожу неестественным холодом. Привычный городской смог смыл чистый, хвойный запах леса. Она прислонилась лбом к прохладному лобовому стеклу своей малютки, пытаясь отдышаться. Мурашки побежали по коже, а под рёбрами сжался ледяной ком. Дарина кожей ощутила вторжение, словно бабушкин лес дотянулся до неё из другого мира.

Резко, почти отрывая ручку, она рванула дверь и упала на сиденье. Пора. Пора домой, к бабушке. Выслушать и впервые в жизни услышать. Она на секунду закрыла глаза, перевести дух.

Воздух ударил в лицо, густой, сладкий, как текучий мёд, с примесью чабреца и тёплой хвои. Дарина ахнула. Она лежала на спине, и мелкие камушки впивались в кожу сквозь тонкую ткань платья.

Она открыла глаза. Небо нависло над головой синей до боли, бесконечной высью. Без облачка. Без белой рассеянной полосы от самолёта. Ни одной знакомой приметы.

– Где же я?

Она села, и мир накренился. Прямо перед носками босоножек земля обрывалась. Внизу, в пропасти, серебряной змейкой извивалась тонкая нитка реки, а за ней раскинулось поле, колышущееся ровной, идеальной рябью пшеницы. За спиной шумел густой дремучий лес. Ни линий электропередач. Ни асфальта на дорогах. Слишком красиво. Слишком тихо. В ушах звенела абсолютная, непоколебимая тишина, нарушаемая лишь шёпотом травы да далёкой, незнакомой трелью птицы.

Инстинкт заставил отползти от края. Ладони утопали в мягком и влажном мху. Она подняла руку, пальцы заметно дрожали. Сон. Это явно сон. Как же проснуться?

– Ты кто?

Голосок прозвенел прямо за спиной. Дарина мгновенно вскочила на ноги, а сердце колотилось, готовое вырваться из груди. На тропинке стояла девочка лет пяти, в простом холщовом платьице. В волосах венки из одуванчиков, ярко-жёлтых, казавшихся ненастоящими. Её глаза, огромные и слишком взрослые для детского личика, смотрели с любопытством.

– Я заблудилась, – хрипло выдавила Дарина.

Девочка загадочно улыбнулась, и у Даринки поползли мурашки по спине.

– Здесь не заблудишься. Сюда приходят те, кого позвали. Или, – она склонила голову набок, – те, кто пробился сам.

Она развернулась и побежала по тропинке в лес. Её белесое платье растворилось в ближайших кустах, словно та и не приходила.

Тянущее холодом, острое понимание мелькнуло в голове. За ней наблюдают. Дарина медленно обернулась.

Между деревьями в лесу, в шагах тридцати, стоял он, весь в чёрном. Длинный плащ с накинутым капюшоном на лицо. Он недвижимо стоял, словно сросся с пейзажем, как тёмный ствол среди леса. От него веяло напряжением, воздух над ним дрожал, как над раскалённым камнем.

Даринка зажмурилась, изо всех сил желая проснуться.

– Проснись сейчас, проснись.

Когда она осмелела и открыла глаза, он стоял уже в шагах десяти. Он двигался, словно плыл, не задевая прошлогоднюю листву в лесу.

– Без зова посмела явиться? – его голос был низким, безразличным, как скрежет камня по металлу, а в глубине глаз горела ярость.

Дарина отшатнулась. Каблук босоножки соскользнул с края тропы, мелкая галька зашуршала, полетев в пропасть. Острая и слепая паника схватила за горло, не давая вдохнуть.

Он сделал один шаг вперёд и тут же оказался рядом. Чёрный плащ пах дымом, землёй и мокрой псиной. Длинные тонкие пальцы сжали её запястье с нечеловеческой силой. Его жар проник под ткань рукава. На коже под его ладонью разлилось странное, предательское тепло, её собственная кровь откликнулась на призыв. Дарина ахнула.

Он стоял близко. Слишком близко. Его пахнущее хвоей дыхание смешалось с её судорожным выдохом. Под капюшоном она разглядела заострённую скулу с трёхдневной щетиной и сжатые в тонкую ниточку губы. Самым странным казались глаза. Цвета зимнего неба перед бурей, голубые, подёрнутые утренней дымкой. В них плясали золотые искры. Он оказался молод и красив строгой и аристократичной красотой заточенного клинка.

На миг Даринка заметила мужской интерес, как у посетителей в баре, смешанный со странным, непонятым отторжением.

Её собственный пульс трепетал на запястье под его пальцами, и сквозь него она услышала, как бьётся его сердце. Тяжело, медленно, как у огромного зверя. Она замерла. Их такие разные биения сердец, её безумный танец воробышка и его, основательный, как у медведя, вдруг сцепились на одно единственное, растянувшееся во времени мгновение. Ритм пульсов совпал, и от этого мышцы в животе сжались.

В груди горько и сладко ёкнуло, будто сердце стремилось вырваться навстречу.

Его брови чуть дрогнули. Он тоже почувствовал это. Его буравящий и холодный взгляд на миг смягчился. Большой палец руки непроизвольно провёл по её трепещущей жилке.

– Как зовут? – спросил он, и тёмный, опасный шёпот неожиданно приобрёл густоту.

– Отпусти! – Она рванулась, ударив его ладонью в грудь. Он даже не пошатнулся, но золотые искры в глазах вспыхнули ярче.

Верес резко втянул воздух, приблизив лицо к её шее. Его нос почти коснулся кожи, где пульсировала венка. От первобытной интимности у Дарины по спине потекла колючая волна иголок, а низ живота задрожал.

Его лицо исказилось, будто учуял вонь. Черты перекосило от отвращения, смешанного с тревогой.

Темень, оторванная от зверя, притаилась, выжидая.

– Ведьмино отродье, – прошипел он, и в голосе послышались отголоски ярости на себя, потому что его собственное тело отреагировало. Её запах страха и пробуждающейся силы в крови возбудил, кроме бдительности, ещё и древнее желание в нём самом.

Он отшвырнул её от себя раскрытой ладонью, из которой вырвался синеватый неяркий свет, а тело Даринки заломило в костях. Он атаковал резко и порывисто, словно прикоснулся

к раскалённой печке. В глазах полыхнул настоящий, дикий огонь ярости и неприятия, а ещё и мужского интереса, который он отчаянно пытался задавить.

Дарина упала на спину, ударившись о землю, выдохнула, а вдохнуть уже не смогла. В глазах помутнело. Щека уперлась в шершавый, острый камень, который поцарапал висок. Тёплая струйка крови побежала, смешиваясь с пылью.

Тень незаметно опустилась на землю. Капелька крови на камне бесшумно запузырилась и впиталась в темень.

– Не ведьма я! – взвизгнула она, и голос сорвался на плач. Слёзы, горячие и солёные, потекли по щекам, смешиваясь с кровью и землёй.

Он приблизился, заслонив собой небо. В его руке появился нож с горящими алым рунами вдоль обуха. Он смотрел на неё так, словно решал сложную задачу. Потом резким движением сунул нож за пояс и опустился на корточки рядом. Так близко, что она снова почувствовала от него запах дыма и зверя.

– Я десять лет охраняю вход в лес, – сказал он беззлобно, устало, недоуменно. – От вас пройти может только кровь берегинь. Ты кто?

– Берегиня, почти, – прошептала она, щеки запылали, от стыда и бессилия горит лицо.

Он протянул руку. Она зажмурилась, ожидая удара. Но его большой, шершавый от мозолей палец грубо стёр каплю крови с её виска. Он поднёс палец к носу и втянул воздух. Его брови поползли вверх. В глазах дрогнул и затрещал лёд.

– Почти, – повторил он, и это звучало как приговор и одновременно как открытие.

Он поднялся, снова став высоким и непостижимым.

– Беги домой, пока я помню, что ты не враг лесу. Почти берегиня. В следующий раз не стану разбираться. Поняла?

Он молча отвернулся и сделал шаг в сторону деревьев, ещё один и ещё. И будто пелена опустилась между ними. Он растворился в воздухе, оставив после себя лёгкое колебание листвы и запах дыма.

Дарина очнулась, не в силах пошевелиться. Воздух вокруг стал обычным, краски потускнели. Звон в ушах нарастал, превращаясь в навязчивый, монотонный стук капель по крыше. Запястье, где его пальцы сжимали кожу, пылало предательским теплом, которое в без явной опасности казалось отвратительным и навязчивым.

В ушах звенел низкий, густой тембр мужского голоса, когда он спросил её. И обжигающая вспышка в глазах, когда ответила. Она с силой потёрла запястье, желая стереть и ощущение, и память. Не вышло.

Дарина открыла глаза. Над ней нависал знакомый потолок со старой трещиной. В ушах бился сломанный пульс. Она лежала в родной постели, на мокрой от пота простыне.

– Сон, боже, какой кошмар.

Она села, провела рукой по лицу. Пальцы нащупали на виске небольшую, болючую ссадину. Сердце упало. Она сорвалась с кровати, подбежала к зеркалу. На бледной коже у виска краснела царапина. Совсем маленькая, а вокруг тонкой паутинкой расходились едва заметные фиолетовые прожилки, как чернильные капли по воде. Кожа горела и саднила.

За окном бушевала настоящая майская гроза. По стеклу стучали капли. Глубоко внутри, в самой тёмной и тихой части сознания, шевельнулось чужое дыхание, легко касаясь затылка.

МАГ

В Заповедном лесу, стоя у обрыва, Верес медленно разжимал кулак. На ладони лежал крошечный кристаллик засохшей крови, поднятый с земли. Он светился тусклым, неверным серебром, родовым знаком берегинь, но по краю ползла, пытаясь сожрать свет, липкая чёрная нить.

– Почти берегиня, – пробормотал он, сжимая ладонь так, что кости хрустнули. – И уже отравленная. Кем?

Его взгляд устремился туда, где в тени леса притаилась и дергалась, словно в лихорадке, тень от одинокого дерева. Она была неестественно густой. И двигалась сама по себе.

ДАРИНА

Утро ворвалось в комнату настырным треском советского будильника. Зарываясь лицом в подушку, Дарина мысленно послала проклятие всем старым вещам. Сквозь сон почудилось, что на нее смотрят. Она открыла глаза.

В дверях, залитая утренним солнцем, стояла понурая, невыспавшаяся бабушка, в халате, с неубранной седой косой. Её руки, покрытые тёмными пятнами, судорожно мяли край ткани.

– Внуча, – голос её охрип от бессонницы. – Вставай-ка. Поговорить надо.

Холодное, скользкое предчувствие кольнуло Дарину под ложечкой. Она села, длинные спутанные светлые волосы упали на лицо.

– Ба, что случилось? Мама? Мила?

– С тобой, – тихо сказала бабушка. – С тобой, дитяtko, случилось. Сердце ночью выло, как по покойнику. Покажи-ка личико.

Дарина машинально провела рукой по щеке. Пальцы наткнулись на шершавую ссадину на виске. Сон уже не казался сном.

Она закрыла глаза, пытаясь вдохнуть, но воздух не шёл. В ушах снова зазвучал тот низкий, безразличный голос:

– Без зова явилась.

– Всё привиделось, – выдохнула она, больше для себя. – Выпила лишнего, придремала. Приснилось.

Бабушка медленно, будто кости ломило, опустилась на край кровати. Матрас прогнулся. Она взяла руку Дарины в свои сухие, тёплые ладони и сжала так крепко, что той стало больно.

– Не приснилось, внученька. Ты ход в лес переступила. И стражник, Верес, тебя видел. Чую я его гнев, как будто сам он здесь стоит. – Она потянулась и осторожно, кончиком пальца, коснулась ссадины. – Знак это.

– Какой знак? – голос Дарины сорвался на шёпот. – Что это значит, бабуль?

– Значит, лес тебя заметил. Тянут корни, – в глазах бабушки отражалась бездонная печаль. – Сильнее оказалось тянет, чем думалось.

Она замолчала, глядя в стену, и Даринку пронзила ясная и ужасная мысль: она беспомощна перед этой неведомой силой.

– Я не хочу, – сказала Дарина, и в её голосе зазвенели слёзы. – Не хочу твой дар, не хочу в лес! Я боюсь, ба! Там он. И глаза у него ледяные.

– Знаю, милая, знаю, как страшно, – бабушка обняла её, прижала к своему сухонькому плечу, и запахло валерьянкой, воском и бесконечной усталостью. – Сердце моё ноет. Да делать-то нечего. Сама в лес пошла и кровь свою там оставила. И Верес, и другие тебя теперь видят. Пора учиться защищаться. Силу свою принять, пока я жива и могу её передать. Решайся, пока не поздно.

– Нет! – Дарина вырвалась из объятий. – Я не буду! Я не ведьма, не берегиня! Я мать, мне ребёнка растить! В нормальном мире!

Бабушка смотрела на неё, и слёзы медленно текли по её глубоким морщинам.

– А кто Милу твою защитит, коли и в ней лес проснётся? – спросила она тихо-тихо. – Кровь-то у неё твоя. Моя. Родовая.

Это прозвучало как приговор. Дарина онемела, мысль о дочери ударила её. Бабушка, кряхтя, поднялась, пошла к старинному комоду. Достала оттуда маленькую шкатулку, обитую потёртым, вылинявшим бархатом. Открыла.

Внутри, на тёмной ткани, лежал амулет. Белесый, прозрачный кристалл в оправе из потемневшего серебра, с двумя переплетёнными змеиными головами, чьи крошечные клыки впивались в камень. Казалось, внутри кристалла клубился туманный свет.

– Это наша сила, первая крупница, – сказала бабушка. – Не для себя прошу. Для Милы. Начни носить хоть понемножку. Хоть день. Позволь ему с тобой сродниться. Он боль отгонит, страх усмирит. Подсоблю тебе, слова защиты шепну, а ты их запомни. На случай.

Она надела цепочку на Дарину. Кристалл лёг в ложбинку на груди, а по телу разлилось тихое, сонное тепло. словно она глотнула крепкого сладкого чая. Пульс поутих. Тревожный ком в груди разошёлся. А там, где затаился смутный, чужой холод, всё стихло и съёжилось, будто испугалось этого мягкого света.

– Вот видишь, – бабушка слабо улыбнулась. – Не всё так страшно. Сила ведь не только бремя. Она и защита. Слушай внимательно, внуча.

И она начала нараспев шептать слова старой колыбельной, которую часто пела мать. О тишине под крыльями совы, о прочности корней дуба, о свете, что не даёт тьме сомкнуться. Дарина, нехотя, слушала, чувствуя, как ритм этих слов совпадает с биением сердца и пульсацией тепла от кристалла.

Потом бабушка, тяжело вздохнув, поднялась.

– Подумай, внуча. Не для меня. Для себя. Для дочки. Я пойду, полежу.

Она вышла, шаркая тапочками. Дарина сидела, держа в пальцах тёплый кристалл. Он был удивительно живым. Успокаивал. Он работал, и это пугало. Значит, и лес со стражником, и долг берегини, всё это правда.

Чувство, похожее на панику, подкатило к горлу. Нет. Она не согласна. Она не часть этого. Это бабушкины страхи, бабушкины сказки.

Дрожащей рукой сняла цепочку с шеи. Тепло моментально ушло. В висках снова заломило болью. А в ответ ёкнуло холодное внимание.

Она швырнула амулет на комод. Тот звякнул, отскочил и закатился в щель между стеной.

– Не надо мне лесной защиты, – прошипела она в пустоту. – Я сама. Не позволю никому решать, даже если магия и спасает.

Но в тишине комнаты её слова прозвучали жалко и глупо. А на виске ссадина, будто живая, слабо заныла.

Полночь пробили огромные часы на стене, когда Даринка щёлкнула замком в кафешке «Ночная дверь». Сегодня ее очередь на работе бдить до последнего клиента. После полуночи, когда последний завсегдатай, пошатываясь, растворился в ночной мгле, Даринка пошла проверять залы.

Густая навалившаяся тишина наполнила пустой бар тёмным, неподвижным воздухом.

Даринка одним глазком окинула зал. Бокалы натерты и тускло мерцают на стойке бара. Стулья на местах.

– Проверить и бежать, – пронеслось в голове, но ноги словно вросли в линолеум.

Под тусклым светом абажура тени в углах опустевшего бара ломались и пугали. В воздухе витал запах леса. Даринка замерла, пытаясь разобрать нотки чабреца. Неожиданно ощутила, как холодок пробежал по коже, будто ледяная волна сквозняка, стелющаяся по полу. Мороз обвил щиколотки, впился в кожу тонкими иглами. Носом втянула резкий запах. Он заглушил амбре табака и пива. Дух мокрого меха с прелыми листьями и тёплой медной кровью.

Даринку бросило в дрожь. Инстинкт кричал бежать, но любопытство, чёртово, гипнотическое, повернуло голову к дальнему углу, заваленному пустыми ящиками.

Там, в глубокой тени, воздух колыхался густой, плотный, живой. Тени струились по стене, густые и тягучие, как патока, медленно отрываясь от поверхности и превращаясь в клубящийся туман. Тот сгущался, образуя неясные очертания сгорбленного человека или сломанной, скрюченной ветви. А в верхней части распахнулись две щелки глаз. На нее смотрел древний, бесчеловечный, полный тихого, ненасытного голода взгляд. Непривычно большие глаза горели огнем. Языки пламени, извиваясь, кружили в таинственном древнем танце.

Она отшатнулась, спина ударилась о край стойки. Тьма в углу дрогнула и хлынула навстречу, струясь по полу, обтекая ножки стульев. Ее чёрный, вязкий поток тягивал скудный свет. Холод нарастал, выжимая воздух из лёгких. Она хотела сделать шаг, но ноги не слушались, будто вмёрзли в пол. Взор незнакомца парализовал волю, сковал тело. Туман налетел. Он коснулся сначала ботинок, и леденящий укус пронзил кожу, мышцы, достиг кости. Она вскрикнула, но звук захрипел в горле и оборвался. Чёрные, невесомые щупальца обвили лодыжки, поползли выше, под юбку. Они впивались в поры, тягивались под кожу. Онемение, тяжёлое и неумолимое, поднималось по ногам, парализуя. Внутри, в районе солнечного сплетения, скреблась чужая, холодная воля. Тени бродили в ней, как голодные звери в пустом доме, пробуя на вкус страх, поглощая плоть. Впитывал и растворял сознание. Через широко распахнутые глаза чужая воля проникала всё глубже и глубже. Подчиняла. Нега потекла по телу, мышцы расслабились, позволяя гостю блуждать дальше.

В голове, прямо в сознании, ясно и отчётливо прозвучало:

– Ты вкусно пахнешь дома. Я и забыл, как любит мама.

Голос был шелестящим, множественным, ползучим. От него заныли зубы.

Беззвучная и слепая паника разрывала грудь.

Даринка схватилась за спинку стула. Из всех сил сжала зубы, выталкивая из себя бесцеремонного гостя. Костяшки пальцев побелели, кровь тоненькой струйкой потекла из прокушенной губы. Туман отступил. И в этот миг на парализованном ужасом теле вспыхнул жар от бабушкиного кристалла. Как хорошо, что ба отказалась выпускать из дому без него.

Дикий хохот резанул ухо. И темень с новым напором устремилась к ней.

– Тебе со мной не совладать, – низкий с хрипотцой голос гипнотизировал, замораживал.

Колени предательски подогнулись, и она осела на пол. Губы, почти не слушаясь, зашевелились сами. Шёпот, сдавленный, рваный, пополз наружу:

От огня и воды,

От тени ночной,

От звериной хворобы

Даринка выталкивала слова из себя, как яд. С каждым слогом в груди вспыхивало ответное жжение. Бабин кристалл! Он отозвался, его тепло нарастало, будто внутри разлили раскалённое серебро.

Туман, обвинивший ноги, вздрогнул. Раздалось отвратительное шипение, будто на горячую сковороду плеснули ледяной водой. Чёрные щупальца дёрнулись, спешно сползли, оставляя на коже странную, пугающую пустоту.

– Сильнее, чем пахнешь. Мы ещё встретимся. Ты уже моя, – донеслось удаляющимся эхом.

Глаза померкли. Тьма сжалась в тугой, клубящийся ком и резко рванула к стене, вливаясь в самую густую тень под потолком, растворяясь в ней.

Давление спало. Даринка рухнула на колени, давась рыданиями. Спёртый воздух опять пах пивом и пылью.

– Привиделось. Наверняка привиделось, – бессмысленно твердил разум, но прокушенная губа ныла, зная правду. Даринка дрожащей рукой провела по голым ногам.

На икрах и лодыжках, там, где обвивала тьма, остались отпечатки. Кожа стала мертвенно-бледной и холодной на ощупь. Отметины едва уловимо вибрировали. Тихо. Выжидая.

Поднявшись на ватных ногах, она сжала в ладони кристалл. Он оказался тёплым, почти горячим. В его глубине сияли искры. Она сунула его под блузку, не в силах смотреть. Бабушкина правда висела на шее.

Один взгляд на пустой и безликий угол заставил бегом кинуться к выходу. Одна мысль, ясная и отточенная, как лезвие, вибрировала сильнее всех:

– Домой. К Миле. Ничего этого нет. Это всё ложь.

Но холодок под кожей на ногах тихо ныл, напоминая:

– Может. Уже есть.

Дарина лежала в темноте и прислушивалась к тихому посапыванию Милы за стенкой. Жжение и чужая пульсация в ноге перекликались с биением её сердца. За окном шумел протяжный, тоскливый ветер, и его звук распечатал старые, стёртые временем детские страхи.

Она снова маленькая девочка. Сидит на большой табуретке и смотрится в холодное зеркало.

Бабушка стояла сзади. Её крепкие пальцы быстрыми рывками расчёсывали длинные, до попы волосы, выдирая колтуны. Она пахла валерьянкой и усталостью. Потом начала плести косы, туго затягивая волосы, отчего кожа на лбу и висках натягивалась, не давая моргнуть. Каждый заворот, каждое подтягивание тянуло голову острой, точечной болью. Даринка видела в зеркале заплаканное лицо с губами, поджатыми от обиды. Солёные и горячие слезы стекали к уголкам губ, и она их слизывала, ненавидя этот вкус беспомощности.

На краешке кровати сидела мама с такими же тугими косами. Её взгляд следил, как удлинились белесые косы на голове Даринки. Напряжение выпрямило ее в струнку, ещё немного, и не выдержит, сломается, согнется, сгорбится, как бабушка.

– Мааам, больно, – хныкала маленькая Даринка. – Можно я коротко подстригусь?

Мама всегда вздрагивала, будто её кликали из самого зачарованного леса. Она подходила, целовала холодными губами. А потом вытирала мою мокрую, солёную щеку.

– Терпи, солнышко. Ты уже большая. Надо.

А по вечерам, когда ее укладывали спать, из кухни доносился шёпот. Дарина прижималась к стенке и замирала, слушая. Мама сдавленным, почти беззвучным шёпотом просила бабушку:

– Мама, хватит. Я больше не могу. Почему нельзя всё это бросить? Просто жить?

Ответом всегда кричала тишина. И сквозь тихие рыдания просачивался бабушкин вздох, глубокий и безнадежный. В её голосе странно сочетались стальная твёрдость и бесконечная нежность:

– Доченька. В молодости думала, самое тяжёлое – косы носить. Эти проклятые косы, что голову оттягивают. Потом решила, самое тяжёлое – долг блюсти, каждую минуту чувствовать его тяжесть на плечах. А теперь. Теперь я знаю. Самое тяжёлое – это ждать тебя домой. Сидеть у окна и слушать, как ветер воет, а в голове одна мысль. Вернешься ли.

Затем за стеной воцарялась тишина. Иногда слышался заглушённый, безнадежный вздох. Или тихий плач.

Потом настал тот вечер. Поздний, зимний. Вьюга мела так сильно, что срывало крышу. Даринка переделалась в пижаму и прижалась к маме у окна. Та не отходила от стекла, дышала на него, стирала иней, рисовала любимую руну, вглядываясь в белое месиво ночи. Её ледяные пальцы сводило судорогой, а сквозь халат видно, как она дрожала.

Бабушка вернулась под утро. Вся в снегу, с лицом серым, как пепел. Припадая на одну ногу. Она больше недели не вставала с постели, а потом ещё долго роняла ложку, не могла

крепко держать кружку. Стала хромать. После этого мама перестала смотреть на её руки, когда она плела косы. Её лицо стало каменным.

А к весне косы мне плела уже мама. Её пальцы не так сильно тянули волосы, но также туго. И теперь уходила она. Надолго. Возвращалась молчаливой, похудевшей, с глазами, смотрящими внутрь себя. И в доме снова звучал тот же шёпот за стенкой, только теперь перешёптывались два голоса: бабушкин, уставший, и мамин, полный отчаяния и вины.

– Мы не можем бросить. Правда?

– Нет, дочка. Не можем.

– Потому что мы берегини.

– Да. Потому что мы берегини. Ты, я и Даринка тоже.

Даринка открыла глаза. Взрослые глаза в темноте собственной спальни.

Ветер за окном всё ещё выл. Она лежала и смотрела в потолок, чувствуя на языке привкус тех детских, солёных слёз. И с ледяной ясностью поняла, что боится повторить этот круг. Сидеть у окна и ждать свою дочь. Или стать тем, кого ждут, зная, что можешь не вернуться, оставив своего ребёнка глотать этот же солёный, горький страх.

Слова бабушки висели в темноте, как приговор:

– Самое тяжёлое – это ждать тебя домой.

И Даринка поняла, что теперь эта тяжесть ее. Бабушка ждала маму. Мама, наверное, должна ждать ее. А она, она будет ждать Милу.

Ночью тяжёлая и влажная духота мешала спать. Воздух пах раскалённым асфальтом и хвойным лесом. Даринка лежала с открытыми глазами, слушая, как по коридору, шаркая тапками, ходит бабушка. Хлопнула дверь на кухню. Донёлся шёпот, как из детства. Голос матери, сдавленный, безжизненный:

– Плести косы.

Ответ бабушки, глухой и окончательный:

– Да. Пора.

Сердце упало и забилося в пятках. Нет. Не сейчас. Даринка зажмурилась, съёжилась под простынёй и замерла, притворяясь спящей. Но дверь в комнату тихо скрипнула. Шаги. Знакомый, родной запах мамы, смешанный с её любимыми духами «Москва» и неизменной валерьянкой. Тёплая ладонь легла на плечо, и от этого нежного прикосновения по спине пробежали мурашки.

– Доченька. Дарьюшка. Вставай. Пора.

Она села, в темноте разглядела лишь смутный силуэт. И обняла её, вцепилась, как в детстве во время грозы.

– Мама. Зачем? Не ходи. Не надо. Прошу.

Её руки похлопали по спине, но это больше смахивало на прощание.

– Надо, родная. Прости. Пора.

На кухне горела одна лампочка под зелёным абажуром. Бабушка сидела у стола, положив перед собой гребень и свёрток из старой газеты. В нём лежали сухие, серые стебли полыни и тёмно-зелёные ленты. Воздух молчал.

Даринка, будто во сне, села на табурет. Мать встала за спиной. Её пальцы, обычно такие ласковые, коснулись волос и мгновенно стали чужими. Жёсткими. Она взяла гребень и резко, не церемонясь, прочесала им от корней до кончиков. Больно.

– Мам, больно!

Она не ответила. Её ровное и чужое дыхание вырывалось из груди с хрипами над головой дочери. Она разделила волосы на пряди и привычным движениями начала плести.

– Мама, перестань! Не сейчас! Не хочу я! – Даринка попыталась дёрнуться, но материнская рука легла на темя железной скобой, прижимая с неестественной силой их треклятого зова.

– Сиди.

Бабушка, не поднимая глаз, протянула матери стебель полыни. Та вплела его в косу у самого корня. Горький запах ударил в нос, смешавшись со сладковатым запахом материнского пота. Её пальцы двигались быстро, безошибочно, слишком туго затягивая пряди. От беспомощности и страха на глаза навернулись слёзы.

– Пока не примешь дар, без инициации зов не слышен, – тихо, будто сквозь зубы, сказала мать.

– А коль примешь, он в голову войдёт голосом леса.

Даринка в тёмном отражении окна поймала её пустой, устремлённый в никуда взгляд.

– Почему я его уже чую? Не хочу! Нет! – Она снова рванулась, но сухонькая бабушкина рука крепко впиалась в её плечо.

– Кто сказал, что от твоего хотения зов зависит? – прошипела она. – Пора взрослеть. Двадцать пять от роду, а всё «хочу, не хочу». Долг это.

– Ба, я никому ничего не должна! Хватит с меня этих кос! Всё детство надо мной смеялись! Это последний раз! Как мама вернётся, все распушу и отрежу! Налысо! И Миле никогда косы плести не буду!

Мать нежно улыбнулась в отражение и поцеловала дочку в макушку. Потом втянула воздух, словно стремясь запомнить запах, и крепко обняла.

– Конечно, над лысой смеяться не будут, – бросила мать, завязывая ленту и отпуская тяжёлую, готовую косу. Та упала на поясницу, оттянув голову.

– Мама, не ходи. Мне сон снился, плохой.

– Какой там сон, – покачала головой бабушка, и её голос вдруг дрогнул. – Явь то была, – она резко отвернулась и вышла, шаркая, в коридор.

Даринка повернулась к матери, ловя её руки.

– Ма, чего она такая злая?

– Да не злая. Боится она. А помочь уже не может.

– Поэтому я и хочу это прекратить! Не ходи в лес!

Мать смотрела на дочь, и в её глазах понемногу возвращалось сознание и бесконечная усталость.

– Доча, это сильнее нас. Лес зовёт. Значит, там помощи от нас ждут.

– А что ты там делаешь?

– Лес живой. Понимаешь? Мы, берегини, слышим, как болеет или радуется или злится. Много там люда и нежити. Надо их мирить. Спасать то одних, то других. Не дать испортить урожай, не позволить болеть скотине. Простый раз умирала дух потопа, речкой грозился разлиться и затопить деревню.

– Мама, ты серьёзно? Как это?

– Договорилась о даре в три козы и пять гусей. Хотел, правда, ещё и корову, но обошлось. Примешь дар, тогда ощутишь силу рода. Силу слова своего. Силу желания. – Она замолчала, глядя мимо дочери, в тьму за окном. – Лес полон соблазна. Хочется в нём раствориться, слиться, частью его стать. Но так нельзя.

– Почему? – спросила она по-детски, хотя уже боялась ответа.

– Станешь частью, тогда не вырвешься. Себя потеряешь, дом забудешь. Один раз дашь слабину, и всё. Бабушка, она только на миг забылась и не смогла отпустить. Теперь часть души её там, часть здесь. Поэтому ей больше туда нельзя. Второй раз сил противиться у неё нет.

– Господи. Тогда зачем вообще туда идти? Если лес нас убивает?

– Он не губит, – Она провела ледяной рукой по щеке. – Всё, солнышко. Мне пора.

Она притянула дочку, прижалась мокрым от слёз лицом к шее, держала секунду, другую. У неё на шее висел амулет. Похожий на бабушкин и на тот, что дали Даринки. Тот же серебряный узел, те же две змеи, впившиеся клыками в камень. Но камень старше, зелёного цвета. Он переливался глубоким, тёмным отблеском, как хвоя перед грозой. В нём отражалась красота чаши.

В тот миг Даринка всё поняла. Белый кристалл – защита для непосвящённой. Зелёный, как у матери, – сила принявшей дар и долг. Голубой, как у бабушки, – память выстоявшей, прошедшей весь путь. Бабушка носила свой, как шрам отставного генерала. Для матери, как символ службы. А её опять валялся в ящике. Она «почти» берегиня. Без оберега. Без долга. Лишь приманка для тени и обуза для семьи.

Мать отстранилась. Взглянула без упрека и страха, лишь с бесконечной печалью и усталостью. Она прощала дочерний бунт, непонимание и бессильный гнев и даже нежелание носить кристалл.

Её пальцы дрогнули и привычным жестом коснулись зелёного кристалла на груди, проверяя, не забыла ли впопыхах. Потом мама развернулась и вышла из кухни. Послышался щелчок в двери её комнаты.

Утром её кровать стояла пустой и с не смятой постелью. На подушке лежал сухой стебель полыни, а в комнате стоял стойкий запах лесной сырости.

Утро началось с кома в горле. Мама уже месяц как ушла. Бабушка молчала, уставившись в окно, будто ждала вестей из пустоты. Мила капризничала. А Даринка не могла сидеть в четырёх стенах, где каждый уголок напоминал о матери.

– На работу пойду, – кинула Дарина, хватая ключи от машины.

Кисловодск просыпался. Курортники в ярких панاماх спешили к колоннаде набирать нарзан. Даринка припарковала «малютку» у санатория, недалеко от парка, и пошла бродить. Дорожка круто взяла в гору и вывела к заброшенной беседке. Воздух пах маслянистой елкой и нагретым камнем. Она шла, пытаясь заглушить вину, поднимающуюся из глубины воем.

Одинокая беседка, сложенная из дикого камня, притулилась под скалой.

Даринка замерла, не переступая порог. Внутри сумрачно и сыро. Пахло отцветшим чабрецом и пылью.

Послышался шорох.

– Кто здесь? – сорвалось с губ шёпотом.

Она шагнула внутрь. Глаза привыкали к полумраку. У скалы, где разрушилась стена, опершись о камни, сидел старик. Лицо сморщенное, как печёное яблоко, всё в морщинах. Поношенная грязная куртка лежала рядом, сидел он прямой, с военной выправкой. Перед ним тлели угли в жестяной банке, дымок струился кверху. Рядом в чашке булькал тёмный узвар.

На Даринку в упор смотрели острые, чёрные, как у ворона, глаза. Взгляд скользнул по ней и прилип к ногам. Старик молча покачал головой и глянул на темень, что она отбрасывала на пол.

– Пришла, – сказал он негромко, и голос его скрежетал, как ветка о камень. – Долго тебя жду.

Даринка попятилась.

– Я, я просто.

– Просто носишь в себе гостя, – перебил он. И резко, с силой, не свойственной старику, схватил ее за руку. Его горячие пальцы обжигали.

Дарина вскрикнула, пытаясь вырваться, но его хватка оказалась железной. Глаза закатились, зрачки расширились, поглотив радужку.

– Вижу, – зашептал он нараспев, и его голос приобрёл странные, гортанные звуки.

– Две нити на твоей душе, девица. Есть светлая, серебряная, заплетённая в косы предков. Родовая. Берегинь.

От его слов по спине побежали мурашки. Дарина замолчала, застыв.

– Другая, – его лицо исказилось гримасой отвращения. – Чёрная. Липкая. Чужая. Она пришла не из леса, а из-под земли. Из Нави. – Он открыл глаза и впился взглядом прямо в нее.

– Ты призвала её?

– Нет! Я не звала! – вырвалось у нее. Но в памяти чётко встал сон: падение, острый камень, кровь на виске.

– Лжешь, – прошипел старик. – Твоя кровь – ее ключ к свободе. Запомни. В камне – дверь.

Он резко, будто обжёгшись, отбросил ее руку и отшатнулся к стене. Его лицо покрылось испариной и стало пепельно-серым.

– Слуга уже здесь. В тебе. – Он замер, прислушиваясь. – И зовёт. Зовёт свою сестру.

От этих слов кровь похолодела в жилах. Сестру? Бабушка часто говорила о сестрице.

Внезапно тлеющие угли в банке вспыхнули зелёным. Дым стусился и потянулся к ней. Тень на каменном полу дёрнулась. Сама по себе. Отделилась от тела, стала гуще, чернее. Щелочки с двумя пятнами тускло-алыми горели, как угли.

Старик коротко и хрипло вскрикнул. Он схватил чашку с отваром и выплеснул в сторону ожившей тени. Жидкость, шипя, разбрызгалась по камням. Темень вздрогнула, отпрянула, и в беседке раздался тонкий, визгливый крик ярости и боли.

– Беги! – закричал старик, падая на пол, изо рта потекла пена, с вкраплением крови. Он скреб по полу пальцами, шепча заклинания на непонятном языке, но голос его слабел.

Темень, отступив на миг, снова поползла к ней. Чёрное пятно растеклось бесформенной лужей. Она рванулась к выходу, спотыкаясь от ужаса. За спиной слышались хрипы и падение тела. Не оглядываясь, выскочила на ослепительное солнце и побежала вниз по тропе.

У кромки опушки, на ярком солнце, запыхавшись, Дарина обернулась. Беседка стояла как ни в чём не бывало. Тихая, безмолвная, и в ней, в темноте, лежит мёртвый или умирающий старик.

Она прислонилась к сосне, пытаясь перевести дух. Сердце колотилось, рвалось наружу. И тогда она увидела его, стража Верес. Он молча, не глядя на нее, поднимался по ступенькам к беседке.

Дрожащими руками она нащупала на груди тёплый кристалл бабушки. И в голове, поверх паники, чётко и ясно встали слова старика:

– Две нити. Чёрная, липкая. Зовёт свою сестру.

Вечерний Кисловодск затихал. Фонари зажигались по бульвару, оставляя за собой островки тёплого света в наступающих сумерках. Дарина шла, почти бежала, не замечая луж после дневного ливня. От слов шамана внутри пульсировал тугой, болезненный комок.

– Две нити. Чёрная, липкая. Зовёт свою сестру.

Слова, как мухи, прилипли к мозгу.

Ноги сами понесли в сторону старого сквера у дома, к детской площадке. В детстве часто гуляла там с мамой, сейчас водила туда Милу.

Сердце нестерпимо быстро заколотилось, когда впереди показались огни площадки. Дети давно разбежались по домам. Парочка подростков в сумерках пинала тренажёры. На дальней скамейке сидел мужчина в тёмной толстовке и с кепкой, надвинутой на глаза. Он замер, уставившись в телефон, но напряжённое внимание, исходившее от него, заставило Даринку отвести взгляд.

Она прошла дальше в глубину сквера. Её тянуло туда магнитом. В центре площадки стоял камень, выросший прямо из земли огромный валун. Ей показалось, что из вершины

в темнеющее небо бьёт тонкий, едва уловимый луч мутноватого света. Дальше за камнем, в сквере, среди раскидистых сосен, стояла избушка на курьих ножках. Детская забава, яркая, с вытянутыми вперёд «ногами»-горками.

Её потянуло к камню животным зовом, таким же, как в ночь у обрыва.

Шаг. Ещё. Ноги стали ватными. Подошла совсем близко, протянула руку. Камень под пальцами оказался живым и тёплым. Под ладонью на шершавой поверхности вспыхнули и тут же погасли причудливые письмена, светившиеся тусклым, синеватым светом.

Фонари померкли. Звуки курортного города отступили. Гул машин, далёкая музыка сменила вязкая липкая тишина. Дарина судорожно достала телефон и включила фонарик.

Луч выхватил из тьмы дремучий, первобытный лес. Тёмные стволы, сплетённые корни, папоротник в рост человека. И настоящая покосившаяся избушка, дверь висела на одной петле. Её ноги вросли в сырую землю. В единственном крошечном окошке горели два огонька. Живые. Пристальные.

По спине пробежал ледяной пот. Она узнавала это место. Не видала никогда, но помнила костями, душой. И тут же её коснулось ласковое, тёплое прикосновение. Материнская рука на щеке.

– Мама, – выдохнула она беззвучно.

И слышала. Чётко, ясно, как если бы мама стояла за спиной и наклонилась к уху:

– Назад. К камню. Беги. Опасность.

Голос звенел напряжением, полным ужаса, отчего у Дарины перехватило дыхание.

Огоньки в окошке избушки шевельнулись. Спрыгнули. На свет фонарика выступил чёрный, огромный кот. Он выгнул спину дугой, хвост стал плетью, и он медленно, неотрывно глядя на неё, пошёл вперёд.

Дарина отступила. Споткнулась о корень и, падая, ударилась спиной о тёплую поверхность камня. Боль пронзила рёбра, в глазах помутилось.

А когда зрение вернулось, то фонари горели так же. Лес исчез. Перед ней, виляя хвостом, сидел обычный лохматый пёс, а с лавочки донеслось:

– Ой, не бойтесь, он не кусается!

Дарина, не в силах говорить, вскочила. Обернулась к камню. Он снова стал обычным камнем. Холодным, мокрым, безмолвным. Никаких письмен. Никакого луча.

Но в груди щемило предчувствие. Мама там. По ту сторону. Она кричала об опасности. А кот из избушки уже знал про Даринку, ждал.

Она бежала домой, не чувствуя ног. Только бабушка. Только бабушка знала ответы.

МАГ.

Верес откинулся на спинку скамейки, когда почти берегиня скрылась из виду. Рука сама потянулась к внутреннему карману, где лежала смятая пачка сигарет. Он закурил, сделав вторую затяжку за полгода. Первая была у той проклятой беседки, когда он почуял всплеск чужой, старой магии и страх, чистый, как родниковая вода. Её страх.

Образ Дарины преследовал его. И наяву, и во снах. Он вскакивал среди ночи, чувствуя на губах призрачный вкус её страха. Вспоминал изгиб бедра, обрисованный тканью, закушенную в момент ужаса нижнюю губу. И шёл под ледяной душ, пытаясь смыть с себя наваждение. Но желание, тёмное и простое, как голод зверя, возвращалось.

Он потушил недокуренную сигарету, раздавив её каблуком. Пора уходить. Опасность сгушалась. Для обоих.

ДАРИНА

Вернулась домой далеко за полночь. Густая тишина в прихожей липла, Даринка прислушалась, и лишь тиканье часов да тяжёлое, прерывистое дыхание из кухни. Свет из-под двери рисовал на полу длинную, искажённую полосу.

Она толкнула дверь. Бабушка сидела у стола, недвижимая, как изваяние. Уставилась в чёрное окно, будто пыталась разглядеть в нём то, чего не могли видеть глаза. Её пальцы, узловатые и трясущиеся, теребили край фартука. По щеке, не замеченная ею, медленно скатывалась слеза.

– Ба, – тихо позвала Даринка.

Бабушка вздрогнула, будто очнувшись, и резко обернулась. В её глазах мелькнул не испуг, а ожидание самого страшного.

– Внученька, кушать хочешь?

– Поговорить, – Даринка села напротив, поймав её холодные руки в свои. – Со мной здесь и с мамой в лесу что-то не так.

Бабушка не стала отрицать. Её плечи сгорбились ещё больше.

– Да, дитятко. Зло проснулось. Ей тяжело там одной. Без помощи. Я старая. А ты не хочешь.

– Ба, не в «хочу» дело! – голос сорвался, и она тут же осеклась, понизив тон. – Там случилось беда. Я опять попала в лес. У избушки.

Бабушка выдернула руки, будто обожглась.

– Камень рядом был?

– Да. Горячий. И луч в небо бил. Маму не видела, но слышала голос.

Тяжёлая тишина повисла, давя на уши. Бабушка закрыла глаза, и ещё одна слеза прокатилась по морщине. Её рука потянулась к шее, к цепочке, скрытой под воротником. Она нащупала амулет и сжала, ища опоры.

– Что сказала? – прошептала она.

– Назад. К камню. Беги. Ба, я не знала, что делать! Я убежала. Пришла к тебе. Помоги. Верни её.

– Плохо не то, что не знала, – голос бабушки стал твёрдым, стальным. – Плохо, что не хотела знать. Давно пора. Не нам выбирать судьбу. Наш род берегинь. Дар в нас. И долг.

Даринка откинулась на спинку стула, и по спине пополз холодок. И в этот миг на белой стене, освещённой лампой, увидела, как её собственная тень дёрнулась. Сама по себе. Её голова резко повернулась в сторону бабушки, будто прислушиваясь. А потом, чётко, как удар гонга, в самой глубине черепа прозвучал шёлкающий голос:

– Иди. Иди к Камню.

Она вскрикнула и вскочила, опрокинув стул. Бабушка метнула взгляд к стене, но тень уже лежала смиренно, как и положено.

– Что? Что с тобой? – в голосе ба не звучал испуг, только понимание. И усталая, страшная решимость.

– Тень. Моя тень. – Она задыхалась. – И голос. Опять.

Бабушка медленно кивнула. Подошла к окну, распахнула форточку. Свежий, предрасветный воздух ворвался в комнату, но не смог развеять тяжёлый запах страха.

– Рассказывай всё. Про камень. Про избушку. Всю правду.

И она, запинаясь, сбиваясь, выложила всё. Как в парке камень стал вратами. Как услышала мать. Как в беседке старик видел «две нити». Как темень напала на него. Бабушка слушала, не перебивая. Лицо её каменело с каждым словом.

Когда Даринка замолчала, она долго смотрела в окно, на светлеющее небо.

– Не пойму, – наконец произнесла она, и в её голосе звучала не злость, а горькое недоумение. – Как ты, без инициации, без зова, туда попадаешь? Страж. Верес. Он должен же изгнать тебя в первый же миг. Почему не изгнал?

Она не находила ответа. Только смутное, жгучее воспоминание о его ледяных глазах и том странном, затаённом мужском интересе в них.

– У нас, – начала бабушка медленно, оборачиваясь к внучке, – дар берегинь Дары. Дар рода. Сила всегда в двух. Одна, старшая хранительница знания, опыта, связи с миром людей. Другая, она воительница, та, что в лесу, на границе. Сейчас сила есть у меня и у твоей матери. – Она коснулась своего голубого камня на груди. – Моя сила должна перейти к тебе. Но для инициации все живые берегини рода должны находиться в одном мире. Здесь. Или там.

Ледяная догадка начала кристаллизоваться у Даринки внутри.

– То есть, пока мама там.

– Пока Дарьяна там, я не могу передать тебе дар, – подтвердила бабушка. А потом добавила тихо, но так, что каждое слово врезалось в память: – И она не может справиться в этот раз. Моя сила уже слаба, неполна, заперта между мирами. Как в ловушке. И зло, оно это чувствует. Оно охотится на неё. Потому что знает, помочь ей некому.

От этих слов мир перевернулся. Всё встало на чудовищные места. Мамино долгое молчание. Её уход «по зову». Бабушкина тревога. Упрямое нежелание видеть и знать. Даринка, отказываясь от судьбы, оставила её одну в тёмном лесу с тем, что за ней охотилось.

– Я, я не знала, – прошептала она голосом расстроенного ребёнка.

– Теперь знаешь, – сказала бабушка безжалостно. Она подошла, взяла ее за подбородок, заставила посмотреть в её старые, полные боли и бесконечной усталости глаза.

– Выбор есть, внучка. Первый. Ждать, пока оно её не найдёт. Тогда сила рода прервётся. И твоя дочь, Мила, будет свободна от этого проклятия. Или благословения. Как посмотреть.

– А второй? – спросила Даринка, уже зная ответ.

– Второй, – бабушка выпрямилась во весь свой невысокий, но ещё не сломленный рост, – я сама пойду. Найду её. Вытащу. А ты жди здесь. С Милой.

Дарина посмотрела на её руки, трясущиеся от напряжения, на хромоту ногу, не дававшую пройти и десяти шагов без боли. На морщины, в которых утопали глаза. Она не вернётся. Это не подвиг, это жертва.

Она подняла глаза на бабушку.

– Что делать, бабушка? Как спасти маму, не идя в лес?

Бабушка смотрела на нее долго-долго. Потом медленно, будто каждое движение причиняло боль, сняла с шеи свою цепочку с голубым камнем. Положила её на стол между ними.

– Никак, внучка. Молись, чтобы у неё хватило сил и времени.

Чай в кружке давно превратился в холодную, горькую гущу. Даринка сидела, придавленная тишиной и грузом слов, в которые не хотелось верить, но приходилось.

– Всего две берегини. Дар. Инициация.

Каждое слово бабушки въедалось в сознание огнем. Она смотрела на руки, которые ещё только учились держать стетоскоп, смешивать лекарства. Совсем не руки берегини.

Она зашла в комнату. Мила спала, уткнувшись пухлой щёчкой в ладошку. Даринка прикоснулась губами к её тёплому лобу, вдыхая детский запах сна.

– Я не дам тебе этого, сокровище мое, – мысленно пообещала она. – Никаких кос. Никакого леса. Мы уедем. Всё забудем.

Но даже мысль об отъезде казалась предательством. Предательством по отношению к бабушке, которая ждала у окна. И к матери, чей голос кричал из тьмы:

– Назад. Беги.

Ей хотелось вдохнуть воздух полной грудью, но щемящая боль сводила ребра судорогой. Она рутинно пошла на работу, в пустой бар. Включила свет только у стойки. И тут же взгляд залип на тёмный угол. Где месяц назад на нее напала Тень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.